

18+

Александр
Лепенский

**Суицид
лезвием
КНИГИ**

Монологи Пальтиеля

Александр Лепенский

**Суицид лезвием книги.
Монологи Пальтиеля**

«Издательские решения»

Лепенский А.

Суицид лезвием книги. Монологи Пальтиеля / А. Лепенский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519612-5

И я прекрасно помню тот момент, когда решился написать эту книгу, точно, подобно, как то, что сегодня лил весь день дождь, был уверен, это все будет не о любви, собирая по малейшим земляным крошкам слова, истории, я уверял себя — не о любви. Здесь было все, посрамленные гибели, в которых я проявил себя совсем незаурядным палачом, пророческие вечера, туманные, с оттенком запачканных надежд, на надежды больше! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519612-5

© Лепенский А.
© Издательские решения

Содержание

1 глава	6
Пора бросать спать	6
2 глава	9
Город серой Любви	9
3 глава	11
Кто же такой этот я?	11
4 глава	14
Почему я борюсь	14
5 глава	15
Как я умер	15
6 глава	16
Она	16
7 глава	19
Как писалась книга	19
8 глава	23
Но и счастьем есть место	23
9 глава	27
Как писалась книга. Часть 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Суицид лезвием книги Монологи Пальтиеля

Александр Лепенский

© Александр Лепенский, 2020

ISBN 978-5-0051-9612-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Пора бросать спать

Смерть – гениальна. Она – истинно умна. Она сначала делает вид, что проигрывает, но в конце всегда остается победительницей. А я, дурак, решил, что смогу обыграть ее. И знаете что? Я до сих пор верю.

Я был из тех юношей, которым все завидовали, мне всегда говорили, какой я особенный, хотя к тому времени боль поразила меня до конца. По сути это была плоть, внутри которой не было новых чувств, просто кровь, которая заразилась безразличием, имитацией интереса к обстоятельствам, а в сердце я уместил 1,5—3 человека, я до конца тогда еще не понял. Я – Саша Пальтиель, человек, доказавший, что всего одна книга может изменить весь мир, понимание смерти, мне удалось заставить здоровых людей мечтать о гибели, но не спешите закидывать меня грязью, за Вас это уже сделали другие, у меня однозначно был другой умысел, но тупость человека такова, что в любой ситуации он забирает худшее. Конец предисловия.

История начнется не с рождения, откину сразу время к моим 25 годам, именно оттуда началось все, что я тут натворил, именно в этом возрасте ко мне пришло понимание, что молчать я больше не могу, порой некоторые вещи нас просто разгрызают, можешь просто идти с хлебом в руке домой, и тут вспоминаешь, и все... Тогда был майский день, жаркий, точнее, утро, я обнаружил себя похмельного у кровати, цель была близка, но, видимо, последние 30 сантиметров мне не дались, потому носом я очутился у позавчерашних носков, вкусные. Вообще странно, после алкогольных ранений постоянно просыпаюсь рано, шторы не прикрывают солнце, потому что их нет, а если бы чаще убирался в квартире, то, возможно, бутылки от коньяка не заполняли бы стол, пол, да даже ванну, там, кстати, тоже носки. В тот день ко мне должна была прийти Вероника

Вероника: 27 лет, мечтает стать литературным агентом, пьет только по выходным, рост 168, вес 57 по моим наблюдениям, 51 по ее. Девственна, слишком умна, чтобы любить, мастер первых свиданий.

...чтобы забрать флешку, я просил ранее, но так и забыл ей воспользоваться, ну а пока, помните то самое шальное утреннее состояние, когда все внутри играет, ты еще чуть пьяный, глаза работают замедленно, и ты готов откупорить новую бутылку желательно мягкого напитка, вот я коньяк и открыл, мы совместимы, ну не бывает у меня похмелья, только вонь изо рта стоит еще, а на столе обрывки пиццы не знаю какого дня. Раз рюмка, два, хоп-хоп, утро задалось, и сердце еще не придается воспоминаниям, оно еще не говорит, кто ты, почему ты такой, почему ты болен.

Вот и пришла Вероника

Вероника: 27 лет, мечтает стать...

Стоп, я уже это писал, просто сегодняшняя бутылка тоже дает о себе знать.

...Вероника! Пришла Вероника.

– Фу, Саш, открой окна, вонища.

– Да-да, и тебе привет... Подожди, что с тобой? Ты чего так вырядилась? А-а-а-а, у тебя свидание? В воскресенье утром? – перебивает меня.

– Ой, заткнись, я опаздываю, дай флешку, и я побежала.

– Нет, стойте, мадам, свидание, значит? Только не говори, что он ведет тебя в кино, первое свидание, и в кино? Нет, фу, он безнадежен, не ходи, да и в воскресенье ведет только потому что билеты дешевые, давай лучше коньячку, как твои дела?

- Саш, я без настроения, дай флешку, пожалуйста.
- Зануда, держи.
- Да флешку! Не коньяк!
- Ты злая, Вероника, на, брысь, брысь.

Вот она и ушла, а я думал, мы поговорим еще. Вообще она действительно гений первых свиданий. Однажды парнишка повел ее в свой гараж показать, как он ремонтирует катер, чертов гений, кажется, он был ближе всех других к ее сокровищу.

Я еще несколько часов походил по дому, становясь все более игривым, а уже ближе к 13:00 отправился в свое любимое кафе для завтрака, там подают прекраснейший виски и наполеон, по пути попросили пару сигарет, встретил наркоманов со двора, сексуальную маму своей мамы, точнее, подругу своей мамы, кажется, нужно отложить бутылку. И как же все-таки приятно затянуть весеннюю сигарету, сигарета и выпивка доставляют мне рецессию воспоминаний, меньше боли, точнее, не меньше, просто забываешь про нее, реальная жизнь становится сном, и кажется, что ты можешь все, а не только лезть на стены, включать волка и выть, ведь я знаю, если сейчас отосплюсь, то снова лягу в гроб с болью, но больше не могу, нужно забыться, трезвая жизнь слишком долго меня вырезала, наполеон, нужен наполеон и виски.

Все шло по плану, дальше я уже перешел в бар, ко мне заскочила Вероника, попутно познакомив со своей давней подругой, сама же она запивала отвратительное свидание, и ушла, а я запивал ее подругой свой очередной коньяк, кальвадос, попутно здороваясь со своими студентами. Вечерело, пытался держать в голове слова Вероники о том, что она придумала, как мне рассказать правду всему миру, но уже был увлечен Кристиной, она не так много говорила о себе, что важный фактор, затрагивала тему городов, бегства от себя, мне нравилось, как мы меняемся буквами, хотя она и тыкала, что я слишком одинок глазами, она, кстати, тоже, кто-то преподавал ей жестокий урок доверия, так что по факту она имела все права выкинуть меня в окно, например, женская жестокость за жестокие предательства, логичный бартер с ее стороны. Но не просто так мне захотелось начать рассказ с этого дня, тот вечер, этот диалог, он должен быть написан, последний раз я так разговаривал 3 года назад, и с тех пор ломка по буквам, безумная.

Она предложила отправиться в место, где мне особенно понравится, интригующая сука, конечно, я побежал, взяв попутно бутылку джина, которую мы распивали пряником из горла, проходя через мост, выходя на набережную, почти пустую, как много аллегорий с самим собой в этот момент было, а она ставила песню за песней, и все мне знакомы, и ко всем лежит душа. Да, она молодец изначально, не за вино голосовала, а за джин, потому моя рука, наверно, и тянулась ее трогать, а может, потому что она женского пола. Я сразу заметил: она очень одинок, как и я, странная математика, казалось бы, если взять одного одинокого человека, приложить к нему второго, то получим двух нужных людей, но не в нашем случае, мы просто были людьми, избегающими этой реальной секунды, выдумав свои провода для временного тока.

- Может, уже скажешь, куда мы идем?
- Мы уже почти пришли, ты точно это запомнишь.
- Смешная шутка, ага.
- Точно, прости.
- Ничего.
- Как тебе с этим живется? Мне кажется, я бы быстро подвела себя к гибели.
- Ты одна из единиц, кто так думает, другие же считают это даром, талантом, чем угодно.

Почему ты так не думаешь?

- Потому что я знаю боль, к сожалению.
- Интересные женщины всегда больны, у тебя изначально не было шансов.
- Ты тише со словами, я на них падкая.
- А ты думаешь, у меня все противоположно?

– Нет, потому ты мне и нравишься, но мы ведь многим нравимся, так почему нам грустно?

– Вопрос в точку, но ты сама ранее ответила, мы помним, а нужно забывать, тяжело жить прошедшим счастливым днем, годом, зная, что это уже не будет у ног сегодня.

– Да, не будет, но было...

– К счастью, было.

– К счастью?

– Думаешь иначе?

– Нет. Но мы пришли, смотри туда, – она повернула палец чуть левее от себя, там сидело человек 9—10, романтизировали себя, потому что пляж, круг, какие-то слова. – Здесь каждый раз с воскресенья на понедельник они сидят одни, я была только раз, тяжело такое оставлять себе, эгоистично, об этом хочется кричать, но ты и шепотом услышишь, ты здесь.

И действительно, я был здесь и физически, и головой, они сидели на песке, близ бетонной лестницы, по которой мы и спускались, фонарь был прямо над ними, в середине сидела девушка с книгой, а вокруг слушатели, и кажется, они не просто слушали, а слышали, а подходя ближе, услышав первые строки, сразу узнал книгу, Джон Фаулз – «Волхв», гениальная, именно ее читала незнакомка, соблюдая интонацию, я с дрожью рассматривал стороны, почему так хорошо? Где был этот вечер каждую неделю? Мое общество было так близко? А я ходил по окраинам? Тишина, как тихо и внимательно они вслушивались, вот и мы сели, и сразу секунд на 7 замерли с Кристиной глазами, она прочитала мое «спасибо», и запила это джином, передав мне. Восхищение, теплота, я слышал, как проходит ночь, а ночь слышала мой счастливый попутный день, так мы и были забыты своей памятью, хотя бы на одну ночь.

Все были парами, постоянными или нет, я не знаю, это не имело значения, не было и мысли докапываться, тут сидели словно ангелы, захотевшие услышать что-то большее, чем небеса, мне кажется, они слышали, как и мы, и суть не в самой книге, а в идеологии, мне хорошо.

А вот знакомый момент, все шло восхитительно, а в какой-то момент все выключилось, на часах 8:27 утра, я лежу в траве, мой дом напротив, в кармане фисташки, в руке 1,5 темного пива, тепло, люди идут на работу, негоже так просыпаться на улице, это не очень хорошо, к добру это не приведет, пора бросать спать.

Отбросив всю романтику, предисловие тут-то и закончится, пора бить по истине, по самому важному, и суть в том, что Вероника предложила мне написать книгу, в которой я изложу всю свою правду, а она через свое предприятие ее продвинет, идея кажется интересной, если не смотреть в будущее, если не смотреть в будущее...

2 глава

Город серой Любви

Я начал писать в литературной столице, в родном городе, строка за строкой, сидел 4 часа, придавая смысл своей правде, мне казалось, что получается гениально, но проснувшись утром, выявил всего 3 страницы написанных предложений, это так отвратительно написано, все же блогги писать легче, чик-чик, и вжух – цельная идея, все сочетается, но только не здесь, оказалось – писать книгу очень сложно, даже тогда, когда ничего придумывать не нужно. Пришлось что-то менять, появилась уверенность, что, чтобы издать достойное творчество, нужно уезжать в город Серой Любви (так я его называю), который когда-то уже уничтожал меня, еще до того, как свет начал гаснуть окончательно, тогда у меня были силы, и тоска там особенная, она о жизни, она о музеях, бедности, отсутствии стыда, романтический голод, который украл многих безвозвратно.

Всегда легко все бросающему, мне понадобилось несколько часов, чтобы взять отпуск, передать моего кота в лучшие руки, написать тем, этим позвонить, найти нужную машину, сесть в нее, уже по пути накидать несколько слов, останавливаясь на заправках, перекуривая возле воних заборной, которая напоминала мне идею современного телевизора, даже удалось перекинуться несколькими словами с попутчиками, и все это сопровождалось моими паническими атаками, которые усиливаются на четырех колесах, и оно понятно, почему, ведь в одной из таких я оставил Ее. Но о Ней еще рано, ну а пока водитель попросил у меня колы, пришлось сказать ему, что я уронил туда кусочек сосиски в тесте с той заправочной, ведь там совсем не кола.

На самом деле мне всегда было комфортно в некомфортных условиях, этот оксюморон поймут многие, совсем не особенность, вот и добираться по 13—15 часов в условиях «ни лечь – ни спать» вызывало у меня что-то трепещущее, как Австрийский штрудель на завтрак, если он не чаще раза в месяц, да и само ощущение, что я еду в этот город... так волнующе, катапульта эмоций всего за одну ночь езды, это то, что еще способно меня радовать, а там еще и милая Ализ, женщина, которой удалось ближе всех подобраться ко мне в словесном контексте, не эти пустые объятия под вечерним фонарем или драматический секс на кухонном столе, нет, не то, там был диалог, в котором слышали 2 человека, не с целью объявить о себе, а с целью... Да я даже не уловил цель, как и смысл, это было так быстро, я просыпался, чтобы увидеть ее сообщение, тогда я даже забывал (смешно), что когда-то она все испортит, я любил ее 4 раза по 5 минут, стоя на балконном перекуре, не пожалев об этом, любил подобно тому, чему создавалась любовь, она без боли, без отчаяния, похожа на десерт с грейпфрутом, лимоном и гранатом, горьковато, кисло, сладко, это в удовольствие, о чем хочется умолчать, а потом кричать на радиоволнах.

Но все заканчивается, нет смысла об этом жалеть, в перспективе вряд ли отдал бы ей сердце, но только с ней мне нравилось разговаривать, как жаль, что этого мало для бесконечности. Она несознательно отдала мне свое сердце, я этого не заметил, как не замечают бычки на дорогах, я просто шел, наступил раз, наступил два, а потом оказалось, что я все там раздавил, да еще и плюнул, с тупым лицом смотрел, мол, а что случилось-то? Я же ничего не сделал, ничего не сделал, а она молчит, не понимая, как с такими мозгами можно быть столь пронзительно тупым, как можно видеть все и не видеть очевидного, думаешь, что не повлиял на нее, а через долгие годы у нее еще болит, ну а как женщине жить-то без сердца? Только с тем, с кем «ну он же хороший».

Но все вот так выглядит в моей голове, уверен, с ее стороны все совсем иначе, так ведь, Ализ?

Дорога не позволяла мне уснуть, целью было максимально отдалиться от диалогов с попутчиками, а потому, даже когда музыка не играла, наушники все равно были вставлены в уши, это помогает. Иногда бывает разговорчивое настроение, но чаще все противоположно. У меня в голове было слишком много мыслей для того, чтобы открывать рот, а эмоции вызывали какое-то жужжание по всему телу, и это притом, что я уже отдалил себе лоб от стекла машины. В целом ничего не происходило, напиток в бутылке колы интеллигентно допит, пьяный снова, игривый, засыпай.

Мне все же удалось несколько часов вздремнуть, и вот, с неприятным вкусом во рту, с чувством не той колы я приехал. Вот они, сгнившие дома на переулках, играющие музыканты на центральной улице, удивительно жаркий день, бездомные и счастливые лица, раскрашенные юношеские волосы, рваные джинсы, иностранные фотоаппараты, которые расскажут потом хорошо об этом месте, такой же родной серый город, родной. Погода действительно оказалась близка к жаркой, хотя еще утро, стабильной температурой эти края никогда не славились, да и сами люди редко стабильны. Но хватит воды, сейчас мне пора заселиться в отель, который, конечно же, снял заранее на любимой фонтанной улице, с выходом на набережную, практически, это одно из сердец города с точки зрения туризма, культуры, алкоголизма, здесь приятно напиваться, знаю, о чем говорю. Мой номер располагался на третьем этаже с шикарной узорной парадной, камином на первом этаже, а сама дверь в апартаменты – метра так три. Далее чистый коридор, а справа уже вторая дверь, прямиком ко мне. 20 квадратных метров чистоты, эстетичный стол с узором, что-то подобное львам, чуть разбитые стены, а потолки так вообще. Простым языком, это именно то, что мне и нужно. Ах да, еще два зеркала. Знаете, пусть в культуре литературы заведено так, что нужно описывать каждый куст и шаг, но я не писатель, я лишь рассказываю свою историю, потому здесь все будет чуть иначе, ибо следующие несколько часов были не самыми интересными, да и читатель не за этими строками пришел сюда, а чтобы узнать мою правду, так? Потому я расскажу о нескольких важных событиях, не пройду мимо парочки опьянений и приближу к главному, но уже в следующей главе, а то нервозно мне как-то.

3 глава

Кто же такой этот я?

Могу предположить, что мне нужно рассказать чуть больше о себе. Начнем с того, что в рассказе мне 26 лет, я подрабатываю в банковской школе своего родного города, где у меня мама декан, а вот самому мне посчастливилось преподавать теорию ценных бумаг, применяя при этом практику, ведь сами ценные бумаги являются моим главным источником дохода с 13 лет. Само преподавание давало мне отвлечение от всего, а также цельные положительные эмоции, потому что (противоречиво самому себе), я любил выступать, быть на сцене, быть услышанным, а исходя из того, что современные учителя и прочие у меня вызывали плотный негатив, не из-за самой профессии, а исходя из их подготовки к системе, к методу лекторства. Я уверен, их самих нужно учить иначе, добавив к знаниям и методику, обучать харизме, а может даже актерскому мастерству, уровню демагогии, их должно быть интересно слушать. А потому много времени мной было посвящено именно умению взаимодействовать со студентами, думаю, это значительно помогло, ведь процент посещения моих лекций близок к 100%. Но к этой теме я еще вернусь, обещаю. Далее, живу с котом, зовут Сабзиро, а если ласково, то Сабз, Сабзюзя, Сабзизуз, Саби, и еще много, ему 5 лет, его мама была британкой, и когда-то вышла на улицу, там ее отбарабанил русский, и получился британо-русский Сабз с серо-бело-черной окраской, еще на лапке у него белое пятнышко, а подбородок прямо до живота белый, ну и длинные вибриссы. У нас с ним идиллия, он задает только умные вопросы, едим мы одновременно, в туалет ходим тоже, он нравится женщинам, а это всегда плюс в мою копилку, он однозначно важнейшее живое существо в данной жизни. Живем в центре города, двушка с выходом на один из главных мостов, с многими барами в округе. Перейдем к тому, что я люблю. Конечно, мясо практически всех видов, жалую собственное приготовление как хобби, симпатизирую различным сэндвичам, пище, алкоголю, пюре. Ненавижу гороховый суп. А вот переходя к интересам, я прочитал сотни книг, художественная литература – плюс, а психология и мотивация – минус. Я люблю душевные разговоры, природу, банальный набор меланхолика, да и в наушниках чаще меланхолия. Но это не то, что нужно знать обо мне, главное совсем не это, но скоро и до всего дойду, терпение!

Прошло две недели, как я в Сером городе в большинстве своем пытался набирать все больше и больше букв в свое творчество, если его таковым можно назвать. Стал замечать, что больше двух часов писать – это беспредельно тяжело, прокурил здесь все, бутылки выношу одну за одной, периодически выскакивая на улицы, чтобы писать что-то отвлеченное, ведь если писать просто все, что со мной происходило, то на книгу точно не хватит, максимум рассказ на пару десятков страниц. Вспоминал, как пишут великие, чтобы ориентироваться как-то на структуру. Не получалось. Иногда включал паранойю, вдруг кто взломает мой ноутбук, прочитает все раньше, но позже отгонял мысли, потом снова шел на прогулки, оглядывался, писал заметки в телефон, смеялся над своими шутками. Получил скидку 6 процентов в вино-водочном, достижение. Крис торопила звонками, я психовал внутри, как же сложно писать. Мне просто необходимо было с кем-то поговорить, вдвоем, не более, тогда я и решился набрать номер Ализ.

Но трубку она не взяла, а я встретил это с улыбкой отчаяния, и сразу же получил от нее сообщение, завязался диалог.

– Саш, не надо звонить, я же говорила, он будет точно недоволен.

– Я понял тебя, ладно.

Спустя 5 минут:

- И это все?
 - Ты о чем, Ализ?
 - Не называй меня так, будто старушка какая-то. Так что ты хотел?
 - Увидеться, я в Сером городе.
 - Ну конечно, ты всегда появляешься не вовремя.
 - А когда-то будет вовремя?
- Спустя еще 15 минут:
- Ладно, давай.

Ну а дальше мы уже договорились о времени, месте; зная нас, ничего удивительного, что место было тихое, а в руках шампанское и плед, так мы и оказались на набережной. Было даже несколько волнительно, ведь в целом наша последняя «серия» была негативной, по ее словам, конечно, я оказался очень плохим, это самое мягкое слово из всех. Вкратце, мне тогда было 23, а ей 18, познакомились мы через общую знакомую на расстоянии, просто в упоминаниях, и сразу загорелись в диалогах, я тогда только начал писать блог, она тоже что-то писала, все само по себе было очень остроумно. Символично то, что встретились мы на Новый год в моей квартире, где я находился в толпе людей, сам этот поступок со стороны Ализ уже восхищал, это было решительно, кстати, там мы и поцеловались первый раз, но так как она была с подругой, то та ее через пару часов уже утатила, а мне оставалось только вспоминать, как это было. Дальше было караоке, а поет она, как прокуренный ангел, там я оказался со своим коллегой, она же с двумя подругами; проблемой оказалось то, что после завершения вечера мне пришлось в голову спросить у нее номер одной из подруг, это первый наш негатив. Но дальше были еще встречи, прекрасные, все это разбавлялось потрясающими диалогами в сообщениях, и она уже была готова ко всему, а я все остановил, просто резко сославшись на ерунду, мол, возраст у тебя, Ализ, не тот, понимаешь? Не понимает она. И правильно. Дальше были только интрижки и чувство незаконченной истории. Но я тогда не мог рассказать ей настоящей причины, а здесь после одного диалога все же понял, что она достойна знать одной из первых.

Ночь приближалась, а потому диалоги подходили уже к самому ядру, ибо начинали мы с поверхности. Она оделась в стиле «смотри, с кем ты мог быть», меня это улыбало, Ализ всегда говорила, что наши разговоры слишком сложные, а ей хочется легких, но не в этот раз, а ядро было таковым.

- Саш, сейчас ощущение, будто меня внутри щипают, не люблю так.
- Я так тебя чувствую и понимаю, но бегать за историей не хочу, если ты не видишь новой, то увы, это твой якорь.
- Якорь – это даже романтично. Навсегда иметь забитый гвоздь в голову, который не под силу никому выкорчевать, – она чуть помолчала и продолжила: – А я думаю, у тебя будет свой якорь в виде перекуров на балконе. Которые никогда не удастся воспроизвести.
- Это ты уже романтику придумываешь, Ализ.
- Ой, ну все. Дело в том, что наше с тобой общение априори ни к чему хорошему не приведет, это всем понятно.
- Приведет. К большой любви! И смыслу жизни! – саркастично сказал я с такой довольной улыбкой.
- Нет, кто любил, уж тот любить не может, – как всегда серьезно восприняла она.
- Но ты не сгорела.
- Сгорела.
- Что, если я захочу тебя украсть?
- Саш, я очень злопамятна в этом плане, ты можешь хоть миллион раз сказать, что ничего не сделал, но сердце выжигает. Полбеда, что я с выжженным никому не нужна, настоящая беда, что мне никто не нужен. И у нас не может быть постоянного общения, снова же, потому что

я злопамятна, и ненамеренно, я серьезно не могу выкинуть из головы все, что чувствовала, особенно, если это со знаком минус!

– Но странно в этом винить меня.

– Ты debil, что ли? Или нарочно?

Я рассмеялся.

– Посмейся еще.

– Ну это смешно, Ализ.

– Ну вот, год-два года не курила, с тобой поговорила, и вот опять.

Берет из моей пачки сигарету и закуривает. А я же чуть загрустил, улыбаясь, закурил тоже, это был интересный дым, важный. Тут я и решил все рассказать ей, почему я не полюбил ее, почему я вот такой, а теперь расскажу и вам.

Все дело в том, что моей памяти нет предела, мне достаточно увидеть на долю секунды что угодно, и через абсолютно любое время мне удастся все это воспроизвести до малейших деталей, мне достаточно просто пройтись по книге глазами, и она навсегда останется во мне, именно этому все всегда завидовали, что глупо. Худшее, что может случиться с человеком – это иметь такую память. Но главное здесь снова не это, а то, что я помню всю свою прошлую жизнь от и до, полностью, где я уже любил, об этом будет сказано много, и за всеми разговорами о жизни после смерти, за всей тошнотой от этой лжи мне не хватило сил молчать, потому я и захотел рассказать правду, это и было ошибкой.

4 глава

Почему я борюсь

Вообще логично было предположить, что сейчас будет написано о реакции Ализ, о том, что же вообще со мной произошло, но еще чуть рано. Мне показалось, что за любой историей должно что-то стоять. То есть, ради чего это, а что же за этим стояло? И если со вторым что-то уже понятно, то с первым тяжелее. Постараюсь объяснить, не знаю, смогу ли быть понятым.

Представьте пушинку, которая летает над вами, и вы пытаетесь разорубить ее топором. Вот этим я, как оказалось, занимался. Но да ладно.

Боролся я в первую очередь за справедливость, потому что, когда мне задали один простой вопрос: а что же для меня самое ценное вообще – я не смог сразу ответить. Казалось бы, такой простой вопрос, но... И все же через несколько минут, раскинув все в голове по местам, я понял. Справедливость. Гиблое дело изначально, правда? Не то чтобы я стоял возле администрации с плакатами, нет, скорее это все внутри. Мне хотелось, чтобы мир получил эту справедливость, а вот почему я возомнил, что смогу это сделать, вопрос совершенно иной. Но это понимание пришло не сразу, скорее в процессе, но и об это вы все узнаете еще.

Второе, что мной двигало – это надежда. Надежда на то, что могу себя освободить, да, в первую очередь себя, на мне было так много этой правды, что трещало все внутри, такое давление, словно всегда в тисках. Думаете, алкоголь здесь просто так? Нет, это важнейшая часть в борьбе с памятью. Я, конечно же, признаюсь, что это было от невозможности принять то, что происходит, очередная слабость, которой я проиграл в чистую. Нравилось ли мне просыпаться в незнакомых местах? Нет. Я вообще домашний. Нравилось ли мне просыпаться постоянно в разных постелях? Иногда да, иногда нет, но тут тоже выбора особо не было, ибо в одной мне просыпаться не суждено. Но скажу сразу, бабником не являюсь, да и вообще я бы просто говорил с ними и целовался, но, к сожалению, женщинам тоже необходима постель, а тем более, с теми, кто их услышал, кто посмотрел правильно в глаза, это моя ноша. Ведь прям красавчиком я не был, путешествия им не обещал, да и долгой жизни. Все, что я мог дать – эту распитую вместе идеальную бутылку вечером в баре или в тихом месте, собирая свои буквы в слова, цитируя литераторов забродивших. Но утром я делал им завтраки, заботливо улыбался, вроде бы это правильно, но нет. Это ведет к их чувствам, которые часто переходят в ненависть. Вы видели последний чувственный взгляд женщин? Тот самый, когда они уходят навсегда. Это взгляд холодного ножа, который больше не хочет быть тупым, и теперь он готов резать. Потому что охладевшие женщины не возвращаются.

Возвращаясь к надежде, сразу скажу, я не самый несчастный человек на земле, которого обидели, от которого отвернулись, нет. Поддержка у меня всегда была, но просто некоторые вещи поворачиваются абсолютно не туда, кто здесь виноват, вы уже будете судить сами.

А еще я борюсь, потому что должен, ведь это шанс науке продвинуться капитально вперед, это огромный шанс.

5 глава

Как я умер

Прошлой жизни я мог бы посвятить целую книгу, но все же попробую затрагивать ее меньше. Кем я был, как все происходило там, я, пожалуй, отставлю, пусть это будет интригой для второй возможной книги. А теперь о главном.

Это был мой день рождения, 26, кстати, и я любил это мероприятие, просто из-за того, что чего-то ждешь, внутри что-то шевелится, так приятно. Меня разбудила Она с прекрасным зеленым чаем и сэндвичем, улыбаясь хитро, одновременно взволнованно. Все началась даже лучше и теплее, чем ожидалось. Жаркий выходной день, время дальше 10:00, выпался. Не мог никогда завтракать без чистки зубов, потому только после принялся пить свой чай, а Она снова хитро и смущенно смотрела на меня и через несколько секунд протянула подарок. Он был в бумажной обертке, завязанный бежевой нитью. Взяв в руки, я сразу понял, что внутри. Книга! В такие моменты я даже не пытаюсь искать подходящего момента и подарки смотрю сразу, так было и в этот раз. Раскромсал эту упаковку, как это делают бедняги с беляшом у вокзала. И это был тот момент, когда после увиденного мое любопытство стало даже сильнее, чем до, такое действительно бывает редко. А все потому что я идеально помню эту книгу еще совсем маленьким, она стояла у отца в старом шкафу его читальной. Я ее запомнил даже сильнее чем все другие, потому что именно ее мне довелось взять в руки тогда, а отец очень грубо вырвал у меня эту книгу, это был первый и последний раз, когда он крикнул в мой адрес и пригрозил никогда не трогать данное произведение. Не знаю, как я победил свое любопытство, но так эту книгу и не брал. А вот теперь она у меня перед глазами, это не только моментальное отправление в прошлое, но и детское счастье, потрясающие эмоции. Потому чай был выпит моментально, и с извинениями к Ней я отправился начать чтение.

И все вроде хорошо, и праздник такой на душе, но почему всегда все должно перевернуться? Сам по себе я был абсолютно счастливым здесь, вечно сияющий ребенок, а позже юноша. Но одна книга все изменила. Она, кстати, была написана моим однофамильцем, что и спутало мои карты, а то, что уже происходило в сюжете, вызывало полное недоумение, шок, страх. Мою реакцию заметила Она, и сразу заподозрила что-то неладное, а меня начинало трясти все сильнее, я из последних сил держал слезы, и Она это видела, а потому начала бегать глазами по этим строкам, а я ушел курить на уличный столик участка, задаваясь одним вопросом за другим. Вот почему отец скрывал от меня эту книгу? То есть все вот так? В этот миг я точно решил ехать к отцу, мне нужны ответы, потому резко забежал в дом, взял испуганную Ее, она ведь тоже уже от прочитанного все поняла.

Схватил ключи, мы сели в машину и поехали. Первый раз в нашей машине была такая гробовая тишина, ведь обычно мы орем песни, дурачимся, и восхищаемся видами из окна, солнцу, дождю, но не сейчас. Было напряженно, а я все больше поддавался эмоциям, злость меня одолела уже полностью, а слезы все же вышли из глаз, то ли от грусти, то ли от страха. Я даже не замечал, что еду очень быстро, но Она мне об этом сообщила, потому сбросил скорость, и тут из-за машины напротив вылетел внедорожник, и между нами я точно увидел, как упала первая капля дождя, прямо между нашими машинами, но сделать что-то я не успел, только услышал скрип колес, крик, осознание. Раз, два, три, я мертв.

6 глава

Она

Привет. Каждый раз, когда я представлял нашу встречу, думал, что много хочу сказать, а сейчас, в эту секунду, не знаю, что говорить... Ты, наверно, думаешь, что я, наболевший от пятки до головы, летаю тут, ангел, бьющийся за справедливость. Мы были с Тобой из тех, кто не должен любить, мы правили над чувствами, но в момент сошлись два мертвых сердца, побитые, но все еще верившие в чудеса. Я точно знаю, что если бы не Твое существование, я бы так и не родился. Клянусь, первая секунда моей смерти принадлежала Тебе, я подумал о том, что больше не смогу чувствовать твой запах, но проблема оказалась сильнее, Твой запах ни разу не смог исчезнуть. Он со мной всегда. Как же Ты вкусно пахнешь. Я тут на днях пытался познакомиться с собой, очень хреновая была затея, но Ты меня терпела. Мы с Тобой говорили про волшебство, и пока жив я, живы и мы, мы бесконечны, это и есть волшебство. Какими-то импульсами Ты точно чувствуешь меня. Знай, Тебе не кажется. Мы бы с тобой покоряли тут облака да горы, мы бы, наверно, придумали свое личное облако. И сидели бы на нем ночами, я бы плакался, что мне холодно. Если честно, мне очень холодно, хотя на улице +25. И как Ты понимаешь, дело не в градусах.

Из раза в раз я пишу Ей на бумаге чертовым карандашом. Мне это дается легко в плане количества букв, но тяжело от непонимания. Вот это и есть то, о чем я писал ранее. Надежда. Она выглядит именно так. Ты не знаешь наверняка, слышит ли Она, но веришь, и вера эта сильная, ведь в некоторые моменты я совсем забываю, что все не так просто...

И все же, если верить бесконечности, мы все равно рядом.

Проблема даже не в том, уверен я или нет в доставке этим писем, все заключается в ином. Там, в машине, я видел Ее последний страх, за всем этим Она все равно постаралась кинуть взгляд на меня, и мы как бы пересеклись душами, и в глазах у Нее было прощание и сожаление, эта буря эмоций, не знаешь, за какую ухватиться, но это одиозное чувство, отвратительное. Что чувствовал я в последнюю секунду? Думаете, вся жизнь перед глазами пронеслась? Нет, все чувства были уничтожены скоростью событий, лишь интуитивно я смотрел и думал о Ней, последняя секунда точно была такая, но бестолково безнадежная. Чем-то это было похоже на американские горки, с единственным отличием: там в поворотах головой вниз ты точно знаешь, все ведет к жизни и безопасности, а вот здесь все противоположно. Просто представьте, вас сажают на эту горку, пристегивают, и уже здесь вам точно известно, что там смерть, и виден момент слета, единственное, что там останется, это та самая надежда. Это страшно.

И вот с какой проблемой мне довелось столкнуться, я попросту не знаю, а жива ли Она? То есть, полнейший диссонанс. В случае Ее гибели на том месте получается, она была убита мной, моими юношескими бездарными эмоциями. Но! В таком случае, Она где-то здесь, рядом, как и я, ведь за смертью есть жизнь здесь. Чувствуете, как вновь навевает запах надежды? Именно это и вызывает у меня двойное чувство, именно потому я до сих пор ищу Ее глазами, даже здесь. И не знаю, смотрю ли в безнадежную пустоту, а может, авось и был когда-то вовсе близок.

И все же чувствую себя обязанным больше рассказать о Ней.

Она – образцовая девушка, с недостижимым взглядом, который проел меня в самый первый миг. Непогрешимая леди, но исключительно в моем понятии. Ее пальцы тонки, словно острые мечи, но при этом нежны, благосклонны. Белые волосы с оттенками русого цвета доста-

вали прямо до спины, а потому, когда мне хотелось уйти от света, я непременно обволакивал свою голову этими густыми прядями, и образовывалась моя личная ночь. Ее рост приблизительно 170 сантиметров, а потому на Ней блестяще смотрелись мои любимые нежные платья, что Она носила тогда неизменно. Ей отчетливо шли цветы и в руках, и на голове, и везде. Нижняя губа Ее – пышная, а верхняя, как крышечка, элегантно ее закрывает. Тонкий подбородок, небольшие скулы. Под таким вот описанием Она кажется домашней и нежной девочкой, я понимаю, но это абсолютно не так. Ведь Она безумна, что и подобает художнику. Похожа на десерт, в котором сопоставлены ингредиенты из разных областей, где сладость, кислинка, даже горечь, и когда все это воедино, получается целый концерт! Да уж, вот в таком контексте мне удается это писать с улыбкой.

Ну а познакомились мы через общих друзей, на одной из квартир приятеля, по случаю его дня рождения. Забавно, что наше знакомство и прощание произошло на одном и том же событии, но не будем глубоко уходить в эти дебри. Как и писал ранее, обратил я внимание на Нее сразу и периодически смотрел в бегающие по сторонам глаза, и Она это точно чувствовала. В целом. Я вел себя стандартно, выкидывая шутку за шуткой, и не ради того, чтобы рассмешить ее, просто вот сам по себе такой. Но в голове я прокручивал тактику подхода, даже чуть нервничая, но все решилось просто. Один из моих друзей громко заявил, что по его расчетам (не знаю каким, он вообще был грузчиком), мы с Ней идеально подходим друг другу, и кстати, все с этим шумно согласились. Ну и я отнекиваться не стал, сказал, что абсолютно согласен. Так и был сделан наш первый шаг, пусть и с помощью чужих рук. Ну а уже спустя пару часов, когда пошли задушевные разговоры и наступил пьяный покой, нам с Ней удалось поговорить вдвоем, перемещаясь с кухни на балкон, а с балкона на кухню, да и всем уже было до нас до балды. Говорили мы абсолютно на равных, начиная отношением к спагетти, заканчивая культурой, так легко, непринужденно, как в комедийном фильме, домашнем таком. Это было действительно тепло. Я пытался Ей объяснить, как работает моя память, а Она пыталась найти в этом изъян, говоря на скорость сотни слов, которые мне нужно было в четкой последовательности изложить. И раз за разом проигрывая, Она открывала от удивления рот, и в слух говорила: «Вау!» И так по кругу, и мы уже несколько раз в утопическом смехе задыхались. Ну а чуть позже Она предложила соединить наши таланты, это и было судным решением, которое сковало нас непрерывными чувствами.

Идея заключалась в том, что Она указывала пальцем на что-то, что видела интересное на улице, а я это запоминал, и уже дома рассказывал Ей все детали увиденного, а Она переносила это на холст. Первым творением был кот, сидящий на подоконнике частного дома, мы проходили мимо него, наше первое свидание, можно сказать, которое закончилось прекрасным поцелуем. И знаете, Она смогла передать все точь-в-точь, что и было мной увиденно, фантастика. Это ошеломительно. Тогда мир и замкнулся на нас двоих, мы как бы забыли про всех, построили свой мир и не хотели из него выходить, каждый раз узнавая что-то новое друг о друге, преподнося сюрпризы. В минуты разлуки быстрее мчались увидеться и совсем не уставали. Конечно, это сильно повлияло на мое общение с друзьями, ведь выходил к ним я только с Ней. Но они, конечно, были рады. Видели наш блеск, ибо попросту не было боле отдельных нас, просто целое одно. По вечерам мы читали друг другу, смотрели кино, играли в настольные игры, качались на качелях, просто лежали на земле. Готовили различные ужины, Она рыбу, ну а я мясо. Мы совсем не ругались, приняли друг друга, это был тот пазл, который сложился очень вовремя. Иначе одиночество могло привести к плохим последствиям. Это и было, собственно, счастьем. Тем самым. И все же это же не единичная история, многие вспомнят себя с подобным чувством, так почему же это удалось сохранить мне? То теплое чувство. А все просто, мы не успели все испортить. Да, самое обидное, не успеть все испортить. Я погиб в момент, когда все было на тренде восхождения, все цвело, пахло. Меня еще не начало тошнить от некоторых привычек, как это происходит сейчас с другими. Мне даже кажется, что секрет вечной

любви в том, чтобы вовремя расстаться, тогда все будет вот так. Иначе в абсолютном большинстве будет ждать затянутое путешествие, пришедшее к ненависти, боязни уйти. И не потому, что не сможешь без человека жить, а потому что в голове прокручиваешь объятия этого человека с кем-то, и именно это сдавливает все, чувство собственности, эгоистичное чувство собственности! Но у нас этот момент не наступил, мы были всего семь месяцев вместе, а несу я эту любовь уже вторую жизнь. Вот как бывает. Именно поэтому я не могу сложить взаимоотношения с женщинами воедино, попросту не выходит, я уже отлюбил. Все, второго раза не будет, ну нельзя дважды взлететь так высоко, особенно, после падения, когда все уже сломано, и это просто мясо, которое пытается найти смысл, за что-то ухватиться. Тут снова возвращаемся к надежде. Именно это я и рассказал Ализ, и забрав частичку моей боли, ее вены словно почернели, а взгляд был выпотрошен, как рыба перед подачей.

7 глава

Как писалась книга

История Ализ подождет вновь, такова ее суть, видимо, ждать даже здесь, хотя это обычно заканчивалось плохо. Сейчас время рассказать о моих мучениях с книгой более подробно.

Как я писал? Как правило, смотрел в экран на пустую строку. Мог так сидеть часами и осознавать, что ничего не получится. Курил, что-то пил, думая, что так придет мысль. Но нет. А вообще, как и говорил раньше, это идея Вероники. Ее мечта стать литературным агентом странная, потому что в наших краях это большая редкость, и зачастую невостребованная профессия, да о ней вообще знает пару человек. Да и вообще, у нас с точки зрения писательства потерянная нация, которая когда-то была великой. Не знаю, как это произошло, лишь могу предположить, что если бы люди сверху были бы умнее, то сделали бы на этом туризм, ведь достаточно просто кричать об этом на каждом углу, вот как я думаю. Но у Ники своя информация в голове обо всем, и это мне нравится. На данный момент она на правильном пути, читает новые рукописи в издательстве, которое основывается на художественной литературе, что тоже стало редкостью, ведь сейчас поколение писателей о мотивации и правильном питании, это действительно более востребовано. Наикратчайший путь к деградации. Так вот, Вероника знает практически каждого неудавшегося писателя в городе, потому что все это проходит через ее руки, а она еженедельно рассказывает мне о худших из них. Может и не очень прилично смеяться над писательством «коллег», но все же, как можно не зарыдать над книгой, в которой рассказывается о продавце пирожков, и тот весь сюжет подсовывает разную ерунду в блюда, истерично смеясь над этим. Единственное, что можно из этого взять – так это паранойю при покупке пирожков, ну или фобию. Но как знать, возможно и это когда-то будет читаться, ведь с мотивацией «прокатило». Но все же Ника верит, что найдет того самого писателя, за которого ухватится, и они смогут вершить литературный подвиг. В чем я точно уверен, так это в том, что она сможет продать любую книгу, и не потому что является гениальным продавцом, а потому что всегда найдет другой вход, до которого другие не додумались. Ну а так как моя девственная подруга души не чаяла в моем блоге, то, конечно, предложила мне стать «тем самым». Важно подчеркнуть, что именно Вероника первой узнала о моей жизни всю правду, это было два года назад, после, того, как я разбил очередное сердце ее очередной подруги. То есть, ситуация выглядела так, что Ника меня обожала, практически каждое качество ценила, и видела чуть больше, чем это вообще дано человеку, просто потому что ей нравится смотреть дальше. И всегда ее отворачивало только тогда, когда дело доходило до женщин. Стабильная картина, первые месяцы она слышала слова восхищения обо мне, а потом слезы и сказ о истинном музизме, уж извините за выражение. Но именно эти моменты всегда вызывали подозрение у Ники, именно потому терпение ее тогда и лопнуло, она требовала объясниться, ведь не складывается, ну как же при таком уважении к женщинам можно в конце поступать подобно. Как подобно? Просто холодно. В один момент просто наступает зима, и за теплом приходит этот резкий холод, у меня просто в голове был сигнал: «Так, Саша, её время вышло». Вот так грубо это звучит, но оказывается правдой. У кого-то зима наступает через несколько лет, ну а у меня просто значительно быстрее, и будто бы насытился. И пугало меня здесь то, что делал я это с абсолютной легкостью, так просто, будто ничего и не было. Просто «Пока, всего хорошего, срок подошел, я отключаю тебя». Как робот, который просто тормозит, когда все. И знаете, эти женщины были прекрасными, каждая со своей историей, абсолютно с каждой было что-то неформальное, где-то классическое. И клянусь, каждый раз ко мне приходила мысль, что вот сейчас это случится, мы возьмемся за руки, поставим наш общий цветок на подоконник,

будем жить спокойно, любить и чувствовать. И моя ошибка была в том, что когда я чувствовал это в первый месяц, то произносил вслух, а это глупо, это как грести под себя, оставляя ее в пустыне. Где она только что и увидит, так это воспоминания, как все было, а как могло быть. И ведь они уже с первых дней видели, как обустроить дом, какие декоративные подушки подошли бы. И резко у них все забирают, просто, получая все, хладнокровно отрывают. Я это когда-то сравнил это с выкидышем, женщина вынашивает ребенка, уже расставила в голове, как и где она будет воспитывать, какую одежду купит, а потом происходит тот самый выкидыш, и я даже и не представляю, как им внутри, как все это собрать? Я просто не знаю. Как и не знаю, а будет ли оправданием то, что было со мной, почему они должны страдать из-за моих причуд? И наверно был бы верный ход просто не трогать их и вовсе, но я не могу, просто не получается, ведь один разговор с женщиной уже может меня свести с ума, и я просто сразу влюбляюсь. Да, пусть на два месяца, может, даже на три, но в тот момент я думаю только о хорошем. Но наступает реальность, триггеры захламляют голову, и не то чтобы я сравниваю их с Ней, я просто остываю, заканчиваюсь, иду в спячку, потом заново, и так все по кругу.

Ого, хотел рассказать о том, как писалась книга, а получился вновь монолог о женщинах, чувствах, простите, я сейчас все исправлю, до сих пор заносчив.

Так, Вероника, ну во-первых, реакция ее была удивительной на все это, она словно знала это, и каждый день такое с ней происходит, как поесть яичницу, классно. Просто с восхищением расспрашивала о том, об этом, а как здесь, а как там, безумие. Я даже спросил у нее тогда: «Ты вообще слышала, что я сейчас рассказал? А? Это реальность, Вероника». А она посмеялась любопытно, молодец. И все же через несколько десятков минут у нее начала складываться картина, понимание меня еще глубже, наверно, этого мне тогда и не хватало, слишком долго все это вынашивал, а в тот момент у меня как бы вытащили камни из почек. Но каково ей было знать эту историю и дать обет молчания, со всем присущим женщине в такой ситуации держать слово безумно сложно. Это правда. Но она сдержала слово, лишь постоянно, как и подбавляет дружбе, выдавала колкости в стиле «ну один раз живем же», или каждый раз употребляла с улыбкой слово «забуди», довольно так, как сидит на троне. Это было как раз началом, и вот, через пару лет как раз ей пришла идея. Так как Ника любила мой литературный блог, стилистику написания, определенные мысли, она была точно уверена, что это вызовет фурор. Мы тогда сидели дома, выходной день за легкой бутылочкой коньяка. Точнее, одной из бутылочек, ведь их было три. Диалог шел в русле моей истории, но главное происходило вот так:

– Саша, Саша, у меня есть мысль! – она восторженно встала с дивана и поставила свою рюмку на стол, который стоял прямо перед нами.

Но я считаю, это глупо – ставить рюмку неиспитой, потому сначала опрокинул свою, а только потом спросил:

– Какая снова? Вызвать жиголо?

– Это худшая из твоих шуток. Но нет. А почему бы тебе не написать книгу о своей истории? – смотрит мне хамски в глаза и ждет пирожочек с похвалой.

– Это плохая идея, пусть лучше жиголо в меня войдет, чем писать книгу.

– Фу, Саша.

– Да, фу.

– Но почему плохая? Тебе разве не надоело сопли жевать, страдая и жалея себя? Ты сколько так собираешься сидеть?

– Вероника! Я просто сижу и пью благосклонный коньяк! А ты снова вносишь поправки в мои планы!

– Да ты каждый день его пьешь! Постоянно намекаешь, как тебе тяжело с этим жить, и вот хорошая идея, а ты сразу ее отвергаешь, даже не подумав о том, как это может быть! Это глупо!

И я немножко умолк, мне просто не удалось все вновь пустить в пустоту, показать свое безразличие, черт, ведь говорил же себе, пей лучше один.

– Ника, давай поговорим об этом в другой раз, можем просто поговорить о музыке? Цинично утверждать о бессмысленном существовании кого-то, например?

– Нет, ты идиот? Ты вообще осознаешь, что можешь дать миру? У тебя же прекрасные мозги, здравый смысл, так включи его сейчас, победи уже этот страх, откройся! Ведь ты не только войдешь в историю, но и дашь возможность науке, людям, это изменит многое! А я легко смогу заняться публикацией, все в твоих руках сейчас! Ты просто не имеешь права молчать о таком!

– Знаешь, мне кажется, тебе эта идея не сейчас в голову пришла, больно много аргументов.

– Да, не сейчас, чуть вынашивала ее, но это не меняет сути, понимаешь?

– Ага, чуть. Все два года?

– Саша, ты должен сделать это, иначе я вообще не буду с тобой общаться!

Знакомьтесь, это гениальные женские манипуляции, какой бы взрослой женщина не была, что-то девичье в ней навсегда останется, ведь если в 50 грамм виски добавить даже 10 литров колы, там же все равно останется виски, правда?

И все же этот диалог со временем меня съедал, утром, вечером, в любой отвлеченной ситуации все это было в голове, кружилось там, как пыль. В какой-то момент я точно уже соглашался с Никой, но позже утопал в сомнениях. Почему? Все просто, за всем этим я не рассказал моей подруге важное «но», она не знает, что было в той самой прочитанной мной книге, она попросту этого не знает. И возможно, ее мнение значительно изменилось бы, ведь это совсем поворачивает все в другое русло. Именно эта единица и останавливала меня на первом этапе, ничего более. И все же я как-то решил, было много выпито об этом, но, наверно, что-то оказалось сильнее, чем мой страх. Ну а дальше вы уже читали, я отправился в Серый город в поисках таланта, текста, фантазии. Она ведь в правде тоже нужна. Но раз за разом я просто удалял страницы, потому что наутро они казались глупыми, мысли запутаны, и мне нужно было их как-то развязать. И тут пришло время Ализ.

А ведь это не конец главы, ведь все это – еще продолжение о написании книги. Но сейчас вернемся чуть к истории с Ализ. Ее реакция. Конечно, она была испугана, хотя у нее на поверхности был веский повод мне не верить, ведь что только я не придумывал, лишь бы отвертеться, не говорить ей верных причин нашего вот такого взаимодействия. А еще я заметил на ней двоякую... что-то. Не знаю, как это передать моим набором слов. Наверно, я увидел в ней борьбу, в которой сражалось чувство прощения против неприятия этого, в женском смысле. То есть, после этого ей просто необъяснимо трудно было не понять меня, почему я такой был, зачем, ведь теперь логика есть, полное понимание моего поведения. Но снова же, она прежде всего женщина, девушка, как хотите. И ее обидели, сделали больно на чисто женском уровне, она вообще должна забыть здесь слово «прощение», ведь это заложено в природе. А тут баланс этой природы нарушился, разрушились эти правила из гранита, словно весь женский устав уничтожили изъяном. И повисла тишина. Тяжелая, густая такая тишина. Но и такая тишина когда-то должна прерываться.

– А знаешь, я думала, была уверена, что больнее уже не будет. Никогда. Конечно, слишком сложно оглядываться назад через такой пласт времени. Тогда все выглядело «поиграли и хватит». Я была уверена, насколько мне довелось узнать тебя, что в случае с тобой слово «чувствовать», вообще невозможно. Ты говорил, что были какие-то ошибки, но они были фатальными. Ты даже не представляешь, сколько у меня было слез. Мне всегда казалось, что если хотя бы единожды повезет в жизни встретить такого человека, который тебя зажжет, то за это

нужно цепляться, а не сваливать все на возраст. Время шло, и когда ты мне что-то писал, я игнорировала. А на следующий день проверяла телефон в надежде снова увидеть твои сообщения. Но их не было. Я расстраивалась. И такой круг постоянно и до сих пор. А теперь, когда ты мне это изложил, я вынуждена искать тебе оправдания, да потому что бля*ь я это сейчас прочувствовала. И поняла тебя. Это меня злит. Мне нравилось прикрывать все мыслью о том, что ты плохой, закончившийся человек, а теперь я так думать не могу. Но одного понять все же не могу, почему ты меня так и не отпустил, как и всех остальных?

– Потому что хотел сберечь твое сердце, а остальные я только х*ярю.

– Ты и мое расх*ярил, Саш, – и улыбнулась.

Если же выйти за рамки этого диалога, то признаюсь, Ализ единственная из всех, к кому у меня всегда что-то оставалось внутри, я бы не смог ее полюбить по известным причинам, я просто всегда был бы на шаг позади этого, что-то было бы близко. Но на все свое я отдаться бы не смог. Но мне очень хотелось с ней говорить, держать ее руки, просто смотреть. Я не ревновал ее к другим, спокойно воспринимал тот факт, что она даже сегодня уснет с другим. Наверно, рассказать ей всю правду было данью уважения. Если я не могу дать тебе любовь, Ализ, то забери все остальное. Но я думаю, это был тот самый случай, когда единственное, что ей нужно было – так это любовь. И этот бартер похож на то, когда ты просишь воды со срочным желанием испить, иначе наступит обезвоживание, а тебе дают котлету. И ты вроде бы и голодный тоже, но все равно умрешь.

Этот вечер закончился страшно, Ализ не смогла удержать своих слез, они рванули, как по вдоль разрезанным венам кровь, и с каждой такой слезой выходила часть злости, освобождая место для прощения. Эта минута слабости парадоксально была сильной, именно так она мне открыла свою мощь, ведь раньше она лучше бы пустила себе пулю в лоб, чем открыла бы мне свои слезы. Я ее обнял, она вцепилась в мою шею лицом, а руками в плечи, и начала потихоньку успокаиваться, а я поцеловал ее в лоб. Ализ улыбнулась и отшутилась со смехом: «Ну ты еще покрести меня». Мы засияли, признаваясь в том, что придурки, и что-то нас забрало, и почему-то я решил ее поцеловать, ведь не было лучшего варианта для соленого поцелуя. Но мы оба этого хотели, потому что, как и говорил, наша история не была закончена, а вот закончена ли она теперь, мы еще не знали в тот момент, но точно чувствовали свободный фундамент, на котором можно выложить то, что мы уже сможем, имея за спиной опыт.

Так почему же Ализ упомянута в истории про создание книги? А тут все просто, именно она читала каждый мой отрывок, главу, выдавая критику и наоборот, и это вновь показало ее силу, ведь в этих текстах она видела, как я пишу совсем не о ней, узнавая все больше деталей и правды. Я бы на ее месте точно остановился, но она набралась мужества. Ну и с ее помощью мне удалось писать значительно быстрее, слова нашли смысл, я поверил в себя, а Серый город мне предоставил еще много сюрпризов.

8 глава

Но и счастьем есть место

Не всему должно быть горько. За первыми главами могло показаться, что я и секунды не улыбался, но это откровенно не так. И как бы ни смешно звучало, но я иногда мог забываться, даже вполне себе. В Сером городе у меня много товарищей, тех, кто действительно рад бы меня видеть, да и я их тоже, что уж там. А потому некоторые дни я проводил в их компании, посещая различные бары, рестораны. Мне вполне комфортно находить себя там, лишь бы это были места без пафосного привкуса, с бессмысленным чувством возвышенности над реальностью. А за частыми такими походами не может не лежать привкус приключения, который я всегда любил и относился с трепетом, как к новым туфлям или к старой любимой рубашке. А еще выход в такие места – это всегда возможность надеть костюм-тройку или просто брюки с жилеткой, ведь в моем гардеробе насчитывалось как минимум десять таковых. Это вообще интересно, у меня всего два стиля, один является интеллигентным, включая рубашку под запонки, а осенью классическое пальто, в купе с зонтом-тростью. Ничего нового, но мне нравится этот вид, как с точки зрения внешних факторов, так и со стороны внутренних чувств. Но есть и абсолютно противоположный вариант – это высокие кеды, рваные джинсы, сомнительная рубашка. Еще любил рубашки бирюзового цвета, они уже были более классические. Но и под этот образ я обычно сверху натягивал жилетку. Никогда не носил головных уборов, как и не любил очки. Все это я подвожу к одному классному дню, когда мой друг позвал меня отдыхать на туристическую базу за пределы города, а это, на секундочку, мой самый любимый вид отдыха. Ведь только в таких местах мне удавалось полностью прочувствовать обаяние природы, силу чистого воздуха, просто глупо улыбаться, играть в футбол, теннис, что угодно. Ну и конечно, жарить шашлык, прикусывая спиртными, элегантными напитками, в особенности, водкой. Так было и в этот раз, но изначально мы собрались возле гипермаркета, чтобы хорошенько закупиться, составив перед этим список, которому, конечно же, не будем следовать. Ведь его составляли мужчины, а значит, из овощей в этом списке были только огурец и помидор, ибо других овощей мы и не знаем. Но дамы сразу внесли коррективы, набирая кинзы, листья салата, и еще что-то странное, ну и конечно же, рыбу, ведь треть из них мясо вообще не ест. Кстати, было нас тринадцать человек, с перевесом на одного мужчину. Знал я из всех только Максима, с которым поддерживали на тот момент прекрасные отношения. Как и почему познакомились, не является важным, но дружба наша была на основе приятных разговоров, похожего отношения к хорошему и плохому, пользованием логики, хотя во многом мы абсолютно разные, ведь он фанат порядка и чистоты, а я люблю хаос. А еще он картавый. Р-р-р. Еще я встречался пару раз с его другом Генри, и единожды видел Наташу и Наташу. Остальные были чужды, но забавны. Вернемся в магазин. Когда я увидел десять бутылок водки в тележке, то почесал голову, представляя, что с нами будет. Потом несколько бутылок виски в объеме одного литра и шесть флаконов вина, из расчета один к одному на девушку. Больше тут говорить, кажется, и нечего, мы здесь сами себе палачи, как говорила моя мама, лучше, чем ты сам, тебя никто убить не может. Обычно я с этим не соглашался, но тут уж точно за.

Ну а пока мы таскались по магазину, я выслушивал допросы про свою бесконечную память, как и всегда, ведь Максим подготовил публику. Но я к этому относился с юмором, тем более, как и говорил ранее, в целом к вниманию я отношусь положительно, но только в те моменты, когда я настроен на людей вообще. Ну да, конечно же, несколько дам мне понравились. Я тоже бываю падок на короткие шортики, топы. Особенно, если это сочетается с загаром. Ну что, оплатив, значит, все мы двинулись в наш микроавтобус, который заказали заранее.

Я эту часть тоже очень люблю в поездке, уже пришел этот сладкий вкус отдыха, включается музыка, все уже смеются, выдают шутки, кричат, светятся. Я даже сейчас улыбаюсь, когда пишу об этом. И день жаркий, и настроение. Я конечно же не растерялся в обстановке, и пусть много незнакомцев, сразу начал орать песни, подкалывать Максима за картавость, что-то выдавать в адрес девушек. Да, хорошо. Ехали мы минут так тридцать до нашего места, и увиденное мне понравилось. Стояло четыре двухэтажных домика, а мы занимали один целый. На каждый дом была выделена беседка, мы же разместились прямо близ небольшого прудика, не самого чистого, но я никогда и не любил воду, мне скорее нравилось, что есть деревянный пирс, квадратов так в двадцать пять. Справа от нашего дома находилось футбольное поле, сделанное из резинного покрытия, а ворота стояли хоккейные. А еще можно было повесить посередине сетку, играть в волейбол, например. Еще были дартс, стол для настольного тенниса. А внутри нашего дома пять комнат, три из которых на первом этаже, а две на втором. Были как трехместные, так и двух-, мы с Максимом остановились в двухместном на верхнем этаже, нам не привыкать пьяными мордами засыпать рядом. Сам дом был в пластиковой обшивке снаружи, а внутри из деревянной вагонки. В нем был душ на каждом этаже, микроволновая печь, холодильник, а также тапочки для каждого. В номерах еще стояли небольшие телевизоры. Расположившись, мы мигом перешли в беседку, где девочки резали свои овощи, ну а мы с Максом занялись мангалом, подготовкой мяса. Все люди разбились по группам, каждый обсуждал что-то свое, а мы же вспоминали какие-то общие смешные моменты, каких-то общих знакомых. Мы еще успеем по душам поговорить. В какой-то момент к нам подошла одна из Наташ, молча смотрела на меня и явно хотела что-то хитрое сказать. И сказала, точнее, даже спросила, переключив лицо в режим серьезности: «Саша, ну-ка скажи, в какой очередности стояли все наши тапочки в доме?» И через несколько секунд в голос засмеялась, ну и мы тоже. Но каково ее недоумение было, когда я все четко изложил. Но она сама не помнила, как они располагались. Она вообще в течение времени частенько меня проверяла. Аттракцион. Но вообще мне кажется, все то, что я сейчас пишу, не очень интересно, кому какое дело, каких размеров тут пирс? И все же, резкий переход сделать я не мог, а эта глава не о об этом рассказе-то, а о том, что за душевными терзаниями есть живой я. И он вот такой, легкий, даже в каком-то смысле ветреный. А потому читайте давайте, разговоры про Ализ и книгу вы ещё получите. Так вот, понятное дело, что все мы начали упиваться быстро, кто-то сразу начал плыть, кто-то позже, музыка встречалась подпеванием, а с каждой рюмкой можно было заметить, как песни все чаще играют по заказу, объединяя наши голоса. Кто-то спорил о разном, кто-то делился историями, а другие шептались. Странно то, что мы вообще одни оказались на этой базе, а потому заняли все достопримечательности, поиграли в футбол, под алкоголем-то самое оно. Ну а потом наступил вечер, стемнело, здесь уже, как и на каждой подобной вечеринке, можно заметить отстраненную стаю людей, которые говорят о любви и философии. И в этот раз я ее возглавил. Со мной сидел Макс, две Наташи, и девочка Лиза. Последняя говорила о том, что не любит своего мужа, потому что он зануда и посредственный. Ее мужа, кстати, с нами не было. А я уже говорил, что пьяный теряю навык своей памяти? Вот потому весь тот разговор я дословно и не изложу. Но точно помню, как Наташа говорила про Фрейда, почему-то на алкогольных вечерах все Наташи говорят про Фрейда. Это их либидо? Ну ладно, еще спустя какое-то время, я заметно начал пьянеть, это проявлялось в чуть упавших глазах, и язык был не так хорош, потому мы с пьяным Максом пошли к пирсу, украв бутылку вина у женщин, там я и рассказал ему, что пишу сейчас книгу. Но не стал говорить, о чем. Пока что. Ну, не в такой день, да и не в такой обстановке. Но он сильно обрадовался этому, считая, что мне есть что сказать. Он вообще был одним из первых, кто читал мой блог в Сером городе, и что-то его цепляло. Мы бы, наверно, сидели так еще долго, но только к нам снова подошла Наташа, сказав, что кто-то там уже отрубился в сон, а я такой возможности упустить не мог. Включив режим ребенка, загоревшись идеей, я позвал всех к этому спящему господину, попросив о помощи, а по пути к нему рас-

сказал о своей идее. Это вызвало у большинства дикий смех, а у некоторых опасение. И все же мы сделали это, обмотали этого парня в простыню, завязали сверху очень крепко, чтобы он был полностью в замкнутом пространстве без возможности выбраться. И в таком виде, перебив его храп, понесли на улицу, несколько раз ударив ногами о дверь. Было тяжело даже не нести его тело, а шепотом смеяться, когда уже слезы текут. Так мы и поднесли его к пруду, тот, кстати, был глубиной метра так полтора, не более. Кто-то вновь спросил обеспокоено: «Может, не стоит?» Конечно, стоит. Ну, мы и бросили его в этой простыне прямо в воду, вновь заплыв в хохоте. Но конечно, по задумке мы должны были вытащить его через 10 секунд. Оно так и было. Почти. Просто мы не учли, что человека в мокрой одежде и простыне вытащить не так легко, а потому на подмогу нам с Максом спустился еще один из находившихся. Но было все равно не очень удобно, потому что лежащий товарищ брыкался, а потому нам пришлось, как пакет с мусором, швырять его на пирс. Но паники не было. У нас. Мы продолжали смеяться, развязывая попутно полотно, и какое же испуганное, моментально протрезвевшее лицо мы увидели, он вообще не понимал, что происходит, ничего не мог сказать, да еще и воды наглотался. А нам смеяться было уже больно. Все закончилось хорошо, но уже следующим днем я начал задумываться о его состоянии в этот момент. Ты обездвижен, в воде, в слабоумном пьянстве, в закрытом пространстве. И это не ванна, какой же приступ паники должен быть? Я бы точно не хотел такое проверить на себе, где-то даже сожалел об этом поступке, а где-то нет. Потому что тот даже был счастлив этому. Он запомнил нас навсегда, потому что начал заикаться. Вы бы слышали его утренний разговор с мамой, когда та просила дать трубку его настоящему сыну, а в ответ слышала «Д-д-д-да э-э-это я, м-м-мам». Но теперь это нужно было принять. Тем более, менеджеру по продажам.

Все после этого стало еще душевнее. Музыка стала грустнее, улыбки спокойнее, даже с легкой усталостью, счастливой усталостью. Так бы, наверно, все и закончилось, если бы Макс не сказал, что тут есть склад с лыжами, потому что зимой это горнолыжный курорт. А я, дурак, в шутку предложил устроить гонки на лыжах по асфальту. Но кто-то воспринял это не за шутку. Потому уже через 10 минут мы взламывали склад с лыжами, хотя это было несложно, ведь он открыт. Свет мы там не включали, а в темноте только было слышно: «Тихо, тихо, тише». Светя фонариками телефонов, мы взяли 4 пары лыж и 8 палок, что уже вызывало безумное счастье, а потом вышли за пределы базы, потому что там была более широкая асфальтированная дорога. В забеге участвовали я, Макс и еще двое. Нам казалось, что делалось это все тихо. Но нам именно казалось. И все же старт был дан, и мы помчали. Ну, как помчали, я упал сразу и просто начал больно смеяться, действительно, щеки уже похудели, и так было со всеми, хотя кто-то даже неплохо катил. Но как я и говорил, нам только казалось, что все это достаточно тихо, потому что лицо сторожа с фонариком я не забуду никогда. Он что-то кричал и смешно бежал, почему-то за мной. Какая же бессмысленная идея была убежать от него, ведь все вещи все равно в доме, но я бежал, все мы в какой-то момент с испуганным смехом оказались на территории, около своего дома. Мы поняли, что нет смысла, потому надо сдаваться. Сторож пришел, орал на нас, грозил полицией. Но прежде позвонил ответственной за это место. Мы уже смеялись тише, где-то шептались и захотели спать, но минут так через двадцать пришла женщина, которая передавала нам ключи. После нее приехала полиция. Веселье чуть нарушилось, нам высказывали о никчемности поколения, а эти разговоры меня всегда выводили из себя. Но меня успокаивал Максим, и все же в перепалки словесные я вступал. Не грубо, логично, но повышенным тоном. Полицейские продолжали смотреть на нас свысока, а позже забрали с собой, но только тех, кто катался на лыжах. Нас поместили в такой грузовичок, в котором сзади стояли две лавочки, на них мы и сели. Все равно пытались улыбаться, но сил особо не было, мы точно не винили друг друга, знали, что это вспомнится с улыбкой. Мы просто договорились возместить ущерб за лыжи. Когда нас привезли в участок города, то сняли с каж-

дого шнурки, ремни, сказали сдать телефоны. Время было уже ближе к пяти утра, и перед тем, как отдать свой мобильный, я написал сообщение Ализ.

Я соскучился.

9 глава

Как писалась книга. Часть 2

Эта тема не была закончена, потому стоит рассказать, как все продолжалось. И вообще я хочу напомнить, что самое главное событие во всем рассказе – это как раз то, что повлеклось за той самой книгой. Что случилось после ее написания. И сейчас мне кажется, я достаточно подготовил вас для продолжения. Истина уже где-то рядом. Знаете, мне действительно тяжело давалась та книга. Не только в плане написания, но и психологически. Ведь все то пережитое и без того из меня никогда не уходило, а здесь я решил разложить себя на общее обозрение, оголить прямо перед всеми. При этом, перенося все на бумагу, снова втыкал в себя иголки. И так было почти до самого конца. Но все же, забегая вперед, после полного написания книги мне стало значительно легче. Еще в пору, когда писал блог, он для того и создавался, чтобы отпустить что-то негативное, чтобы не сходить с ума, и это была рабочая авантюра, пусть и на несколько граммов, но все же. Такой эффект был и по окончании книги.

Как я и сказал где-то выше, книга писалась уже значительно быстрее, чем в самом начале. И вот, спустя месяц моего прибывания было изложено приблизительно семьдесят процентов от общего объема. Изначально я планировал справиться за две недели. Из родного города я получал ежедневные звонки от Вероники, она скучала, спрашивала про процесс, хвалила меня и ругалась, и все это могло уместиться в одном диалоге. За эти тридцать дней я четырежды не ночевал дома, однажды уснул на ступеньках набережной, посрамленный выпиванием безграничных напитков. Целовался с двумя дамами, не дрался. Семь раз разлагался от боли в желудке, которая усиливалась с каждым выпитым стаканом. Наверно, та пища, что я употреблял, не очень сочеталась с алкоголем, потому я даже попробовал пересмотреть рацион. Но знаете, там, проснувшись на ступеньках, мне писалось лучше всего. Это был бесконечный поток искренних идей, слова выдавались танцем, просто кружились, и получалось правильно, технично. Даже несмотря на то, что писалось в телефон. Это то состояние, когда ты проснулся практически в один момент с городом, не в плане людей, а с самим городом, как с тем, что можно пощупать. Я тогда ходил за бутылочкой пива и породил состояние восхищения, сидя под утренним солнцем, которое напекало, увозя меня быстрее в опьянение. И мир в этот момент будто сделан из фотографий, такой плавный, и успеваешь все разглядеть. Именно поэтому строки там были сильные. Я выкуривал сигарету за сигаретой, черт, да я даже сейчас закурил, потому что снова улыбаюсь тому дню. Я помню, как ближе к восьми утра скинул всю эту писанину Ализ, и та спустя двадцать минут написала, что, по ее мнению, это самое искреннее, что я писал. И она была права. Самое обидное, что после этого возвышенного состояния наступает тоска. А во времена тоски я думал о Ней. Не об Ализ. О Ней. Мне всегда казалось, что если сейчас я выбегу на улицу, то найду Ее, встречу, и все придет к своим местам, и книгу эту писать мне уже не нужно будет. Но сколько бы раз я ни представлял нашу встречу, в реальности этого так и не происходило. Да и что я сказал бы Ей? Мы в прошлой жизни были с Тобой вместе, любили друг друга, и вот в один день погибли в автомобильной катастрофе, потому что я чуток срукожопил, и эврика! Я нашел Тебя! Так? Seriously? Это похоже на пикап-хренап-херарап, или как там, пыкмыкпкк. Ага. Интересно, как они это будут переводить на английский?

- Саша, что значит пыкмыкпкк, как это перевести?
- Хм, попробуйте – руктукркк.
- Ого, глубоко.

Ну, как-то так. Я же, черт возьми, не переводчик. Хотя на китайском было бы, наверно, интереснее. Ладно, вернемся к Ней. Конечно, я в тот день на набережной написал очередное письмо. Где рассказал о своих скитаниях, как продолжаю ждать, скучать и во что-то верить. И как говорил ранее, не знаю, во что мне лучше верить. Но книга во многом была посвящена именно Ей. После этого письма я получил очередное сообщение от Ализ, в котором она утверждала, что я вновь пьяный. А я не пьяный, я тоскливо счастливый. Был в тот момент. А позже я уснул. Крепко и до самой ночи, продолжая сбивать режим, которого у меня не было. Так в целом и проходили мои дни, писал я и ночью, и днем, когда приходилось, тогда и писал.

Но наступал момент, которого я и боялся, конец написания был все ближе, и каждое слово становилось более трепетным, а мне еще нужно было «подогнать» под нужное количество авторских листов. Мне был необходим очередной заряд эмоций, чтобы хватило на концовку, но и выдвигаться куда-то совсем не хотелось, вот я и пригласил Ализ выпить несколько стаканов вина. Она, как всегда, сначала набивала себе цену, говоря, что это неправильно, не очень красиво. И прочее. Обычная история перед тем, как увидеться. Но конечно, она приехала. Как и было обещано, мы наполовину пили вино. Наполовину, потому что пила его она, а я коньяк. Чего я ожидал от этой встречи? Я просто хотел продолжать на нее смотреть и чувствовать, что она рядом. Это вызывало у меня тепло и какой-то трепет. Все как и прежде. Она пришла в коротких шортах и в топе с торчащим пупком. Боже. Мы включили на фон фильм, а сами разговаривали, так и не найдя способа обходить тему нашего прошлого.

– Саш, я, конечно, думала о нашем том разговоре. У меня еще осталось несколько вопросов.

– Да, очередной легкий разговор. Спрашивай.

– Вот давай не включай опять этот свой саркастический режим, делай это со своими девочками, хорошо? – ох, как же грозно она это сказала, вновь показывая, что выросла.

– Ализ, ты слишком много внимания уделяешь не тем деталям, ты потому и сидишь всегда со мной напряженная, пытаешься обороняться там, где атаки нет. Ты не думала, что это и является проблемой? Мне это абсолютно не нравится, – но конечно, она со мной не согласится.

– Да ты постоянно вставляешь свои колкости, знаешь ли, не все то, что не является атакой для тебя, не является атакой для других. Может, ты за своей возвышенностью это поймешь?

– Может, ты за своими хорошими, красноречивыми мозгами, заметишь очевидное? Я уверен, скажи тебе это кто-то другой, ты бы точно не обратила на это внимания. Убери этот очевидный комплекс!

– Да какой комплекс? Мне просто не нравится, что любой разговор сопровождается твоим сарказмом!

– Вот не надо сейчас, а. Наши разговоры всегда были полны сарказма, и если ты вспомнишь диалоги старые, то так и было. А все потому что ты тогда видела главное, чувствовала главное. У тебя даже не было времени думать об обороне, мы просто говорили бесконечно, и даже сложные разговоры, давались легко.

– Ты идиот? Ты тогда еще не разбил меня! Я не знала, что ты сделаешь так!

– Я больше не разобью тебя, Ализ! Успокойся уже. Последнее, что я хотел бы сделать, так это тебя обидеть.

И прошла нотка тишины, которая перебилась тихим:

– Почему?

– Потому что.

– Ты опять? Ты накосячил! У тебя вообще нет сейчас прав, не отвечать на мои вопросы, кретин! – ну, это она уже говорила с улыбкой, в образе недоумения.

– Хорошо. Но я уже говорил тебе, а сейчас ты просто напрашиваешься на теплые слова.

– Саша!

– Да все, все. Потому что ты мне близка, Ализ. Я сказал, что хотел сберечь твое сердце, это чистая правда. Моя ошибка в том, что я вижу покалеченное сердце, и всегда уверен, что я и только я смогу его собрать. И какое-то время получается, а потом – ты сама все знаешь. Не хочу я, чтобы ты играла в циничную дамочку. Не твое это. Я действительно думаю, что ты мой человек, и если бы мне стерли память, то поговорив с тобой всего один раз, я бы тебя больше не отпустил... И конечно, в голове много раз представлял, как это могло бы быть. И это великолепно. Тогда мы бы улыбались чаще, ну, уж точно я. Я встречал бы тебя с латте после работы, читал свои записки, писал бы письма. И точно любил бы. Это тоже проблема, в моей голове все складывается в нашей идиллии. И конечно, мне и сейчас приходит мысль, практически каждый день, чтобы тебя украсть. И снова же, будь на твоем месте кто-то другой, я бы непременно это и сделал. Но с тобой слишком большой риск, если я облажаюсь, то ты превратишься в демона и из-за меня обозлишься на весь мир. Так что я пытаюсь с тобой выключить ребенка, которому все можно, безрассудство, да и прочее. Довольна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.